

КОРМЧИЙ

ВИКТОР ДЕНИСЕВИЧ

18+

Виктор Денисевич

Кормчий

«Де'Либри»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Денисевич В. В.

Кормчий / В. В. Денисевич — «Де'Либри», 2026

ISBN 978-5-4491-3173-7

В детективно-мистическом романе «Кормчий» действительность тесно переплетается с вымыслом, формируя новую реальность и приоткрывая завесу в ближайшее будущее. Загадочные происшествия вынуждают героя и соратников по элитному клубу жить в скитаниях. На Валааме для героя граница между вымыслом и истиной исчезает. Очередное покушение приводит его в Египет в погребальную камеру фараона Хеопса. В якутской тайге герой проходит опасный путь воссоздания себя в новой реальности. Уступит ли он бразды правления своей личностью «дублёру»? Поединок с Иным Интеллектом неизбежен.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4491-3173-7

© Денисевич В. В., 2026
© Де'Либри, 2026

Содержание

Часть первая	6
Побег	6
Встреча	8
Остров	12
Посвящение	17
Часть вторая	21
На лугу...	21
...«До черты»	24
Ритуал	26
Призрачный шанс	29
Пробуждение	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Виктор Денисевич Кормчий

© В. Денисевич, текст, 2026

Нэлле Кустовой посвящается

Очень признателен и благодарю Алексея Косульникова, Ольгу Завершинскую, Наталью Феокистову, Александра Громова, Владимира Антонова, Виктора Авксентьева, Михаила Никифорова, Евгения Галкина, Светлану Васильеву и Сергея Брыкалова за содействие в создании романа.

Обретение себя

Роман Виктора Денисевича «Кормчий» – это увлекательное продолжение его романа «Номо Creatus». Номо Creatus – человек создающий, а Кормчий – уже рулевой, то есть определяющий выбор пути. Направлений и развилок в романе обозначено много. И это даже не развилки, а болевые точки сегодняшнего дня.

Русская литература – это всегда литература воскрешения. Ведь Номо Creatus можно перевести и как «человек созданный». Действительно, первая часть романа «Кормчий» – это воссоздание героя. И не только физическое, хотя и эти моменты интересны и познавательны, но главное – духовное возрождение, при этом важно сохранить себя как личность. Для этого нужно помнить всё: все свои страдания, боли, радости, взлёты, падения – и переживания этого. Без памяти себя нет личности.

И тут нас настигает боль нашего времени: а что такое человек созданный? Сегодня много говорят об искусственном интеллекте. Автор ни разу это словосочетание не употребляет, но ведь именно в создание человека всё упрётся. Не зря герой романа одним из условий продолжения эксперимента требует сохранения памяти. Без памяти – нет личности. Тогда Кормчим может стать искусственный интеллект, но герой настаивает на сохранении личности.

Обретение себя, пусть с новыми навыками, новыми друзьями и возлюбленными, но именно себя как личности – и есть главная тема романа.

Александр Громов, писатель

Часть первая

Рок

Побег

За окном выюжило. Хмурое утро тоскливо завывало разыгравшейся ночью метелью. Вторя ей, тихо ныла голова. Бесноватые пляски снежинок лишали покоя. Вяло шатаясь от окна к камину, я ощущал, как силы медленно покидают меня. В изнеможении рухнул на подушки дивана. Волна жара обожгла разбитое тело, лень окончательно сковала его. Вспоминать минувшее не было сил. Остаток дня прошёл в хаотичных сборах и попытках уместить весь зимний гардероб в дорожный саквояж.

Вечером я сидел один в купе поезда, не снимая пальто, обхватив голову руками. Знобило. Утомлённый декабрьскими театральными потрясениями и мучительным расставанием с Надей, я где-то зацепил хворь. «Она необыкновенная, и к тому же надёжный друг, но... ей трудно понять мои творческие метания и хаос, который я сею вне киностудии и театра. – Пытаясь подавить навязчивую икоту, отхлебнул минеральной воды. – Удивительно, как она помнит даже обиды, причинённые ей ненароком. Прочь, прочь в одиночество. Вон из столицы. Подальше от людей... В глушь, на заповедный остров, где ждёт желанный покой».

Платформа, с редкими фонарями, ускоряясь, плавно отплыла в темноту ночи. Вагон покачивался, я медленно погружался в дрему, голова клонилась к столу. В засыпающем сознании вспыхнула виденная ранее картина. Широкие лиловые полосы уходящего дождевого фронта сменялись тревожными дымчато-оранжевыми. Первый солнечный луч, коснувшийся крыши, стёк с неё пламенеющими языками. Сгустки света застряли в ветвях кипариса, передавая пульсирующее мерцание. Свет рассыпался на множество отдельных искрящихся точек. Контур кипариса растворился. Передо мной уже не освещённое дерево, а пламя гигантской свечи. Запредельная красота и мощь. Слепнешь – и прозреваешь для новой действительности... которая обрушилась на меня властным женским голосом.

– Вот где прячется мой единственный путешественник!

Веко правого глаза задёргалось. Дверь распахнулась, в купе ввалилась плотная и бойкая проводница в фирменном берете.

– Я один в поезде? – не поднимая головы, уточнил я.

– Это вряд ли. Но в этом вагоне – вы точно один. Кто ж в новогоднюю ночь шастает по заснеженным просторам?

И только тут до меня дошло: «Новогоднюю ночь я проведу в одиночестве под тусклой луной, под стук колёс и в обнимку с „Хеннеси“. Хороша компашка!» Сумбур в мыслях, ломота в теле и мандарины прилагались к праздничному набору.

Вечер провёл в купе, сидя за столом, изредка поглядывая в зеркало двери на понурого компаньона, мерцающего сединой висков. Его юбилейный год заканчивался бездарно...

– Надобно проводить горемыку. Ты же не против?

Не глядя на часы, накатившую полночь ощутил всем своим воспалённым естеством. Высокую, под сорок, температуру уже который час давил коньячными градусами и сладким горячим чаем – мой патентованный способ борьбы с недомоганием. Тяжёлые капли пота свисали с ресниц, медленно стекая по щекам на лиловый шарф, укутавший шею. Я поднял стакан:

– Покойся с миром, год минувший! – и глянул в зеркало на интеллигентно-щетиnistую физиономию попутчика с растрёпанной шевелюрой. – А тебе, мил человек, – успокоения, здравия и любви! – и опрокинул в себя содержимое гранёного стакана.

В растревоженную болезнью голову с алкогольными парами вползло столько гадких мыслей, что пришлось гнать их как шелудивых псов, а они настойчиво мчались за поездом по бездорожью, мелькая в лунном свете, и периодически нагоняли состав, когда он притормаживал на заснеженных полустанках.

Стальным узорам округлых пролётов железнодорожного моста через Волгу под Сызранью я обрадовался, надеясь на скорое завершение бессонной хмельной ночи. Перед мостом случился главный поединок наступающего утра: простуда на бледном коне в сверкающих латах устремилась в атаку, но была повержена остававшимся на донышке французским нектаром. Глоток снадобья обжигающим ручейком пробежал по гортани и целебными парами прочистил мозг. Затуманенный взгляд сфокусировался на мистическом пейзаже за окном. Река в свете прожекторов, блеснув запорошенными ледяными просторами, словно мембрана, отфильтровала кровь и мысли.

Ночные кошмары пенились у береговой кромки как нечистоты... На левый берег Волги я въезжал трезвым и просветлённым.

Встреча

Сизое новогоднее утро. Гигантский нефритовый фаллос стеклянного здания железнодорожного вокзала Самары надвигался из тьмы за мостом через приток Волги. На перроне свежий скрипучий снег. В голове ясность. Я – дома. Нестерпимо захотелось прогуляться по городу, наслаждаясь обезлюдевшими площадями, тишиной и ароматами отгремевшего праздника. Стойкий запах перегара, оливье и сгоревших петард витал в морозном воздухе. Новорождённый год, томимый похмельной жаждой, такой же бесприютный, как я, брёл за мной по пустынным улицам в сторону Самарской площади. В удалении мелькнул силуэт стального исполина, взывающего к небесам вскинутыми вверх руками. Дверь в соседнее кафе с нелепым названием «Комод» отворилась. Сладко вдыхая морозный воздух и лениво потягиваясь, из него вышли счастливые люди.

«Хочу туда, где живёт счастье! К тому же я голоден. Пора завтракать». – Следуя за судьбой, я занял освободившийся столик. Вокруг оживлённо беседовали. Сделав заказ, прикрыл глаза и вытянул под столом озябшие ноги. Сознание безмятежно дрейфовало между явью и сном.

– Доброе утро! С Новым годом!

Я медленно приоткрыл глаза.

– Вы позволите двум замёрзшим барышням присесть?

– Ну, конечно.

– Холодно ужасно и хочется чего-нибудь горячего.

– Присаживайтесь, – я оперативно освободил стул, занятый саквояжем.

– Татьяна, – сверкнула глазами болтливая красотка и, указав на молчаливую спутницу в белом песцовом полушубке, с придыханием представила её, – моя волшебная подруга Элла.

– Кирилл. Вам кофе или по бокалу просекко за знакомство?

– А вы угадали. Я только с самолёта – и сразу к подруге.

– Путешествуете?

– Вернулась с Бали. Чудесный остров! Новый год встретила на высоте десять тысяч метров. Ох, дали жару, но... салон не спалили и буянили умеренно.

– Обошлось без эксцессов?

– Так. Пара «тагилов» немного перебрали, но их быстро уладили.

– Я тоже бодро провёл ночь. Один в поезде, даже проводницу видел только при посадке.

Общение вальяжно текло под звон бокалов и кофейных чашек. Рассеянно слушая болтовню Татьяны, я с интересом рассматривал её спутницу, тонкие черты лица которой удивительно гармонировали с тёмными локонами её причёски и выразительными движениями рук.

– Как считаешь, – обратилась Татьяна к подруге, – нашего спасителя пригласим на вечеринку?

– Пожалуй, да.

– Тогда ждём вас сегодня к семи.

– У меня на вечер.

– Отказ не принимается. Вот адрес. – Она быстро написала его на салфетке алой подводкой для губ.

Благодарно склонив голову, принял протянутый мне пропуск в рай.

Элла заметила мой цепкий взгляд. Её светло-серые глаза наполнились торжеством и... необъяснимым страхом, когда Татьяна, взглянув на часы, суетливо засобиралась. Волна дрожи покатила по моему позвоночнику, затопив онемевший затылок. Руки дрожали. Так подкрадывается. Бокал медленно поставил на стол. Нахлынувшее благоговение списал на недавнее недомогание. Приободрившись, клятвенно заверил дам:

– Непременно буду.

Придавленный оглуплением и абсолютно счастливый, я рассеянно бродил по промёрзшим улицам моей юности. Минувшая эпоха ещё жила в Струковском парке и таилась за каждым зданием в округе. Гранитный фасад дома предводителя самарского дворянства, а впоследствии Дворец счастливой пионерии города Куйбышева, разбудил воспоминания... о поединках. В здании шли нескончаемые шахматные баталии, в роскошном соседнем особняке в стиле модерн я сражался с мудрёными субстанциями в колбах за знание химии. В старом парке схлестнулся с лихими ребятами, промышлявшими примитивным разбоем. Неподалёку, в краснокирпичном купеческом особняке, бился за благосклонность юных женских сердец. Да было ли всё это? Неужели столь важные события выбиты на скрижалях только моей памяти? Или она вновь подсовывает мне миражи?

Созерцая изменившийся город, я дошёл до пересечения улиц Гагарина и Революционной. Тёплая встреча с сестрой и её мужем Борисом, контрастный душ и бритьё физиономии со следами похмелья, тёмно-синий твидовый пиджак и свежая бордовая сорочка превратили попутчика, мелькнувшего в зеркале купе поезда, в элегантного кавалера с замашками Дон Жуана.

Ровно в семь вечера прибыл к дому по улице Степана Разина. Бутылка «Метаксы» и элегантный букет роз цвета эротической мудрости быстро переключались на праздничный стол. Хозяйка, лукаво прищурившись, представила меня собравшимся гостям как матёрого путешественника и своего спасителя. Элла, в обнимку с диванными подушками, сидела в стороне от компании, пристально наблюдая за мной. Через час всё смешалось. Тосты... Возлияния... Пожелания... Тосты... Танцы... Тосты под танцы. «Надо остыть». Разгорячённый, накинув пальто, я вышел на запорошённую снегом террасу с роскошным ночным видом на освещённую набережную Волги. Позади чуть скрипнула дверь, и, кутаясь в шаль, на мороз вышла Элла. Путаясь в рукавах, я судорожно скинул пальто и, укутав её, прижал к себе. С минуту мы молчали, наслаждаясь блаженным теплом друг друга.

– Не отпускаю, – прошептал я.

– Очень на это надеюсь, – она запрокинула голову, глядя мне прямо в глаза.

– Праздник не утомил?

– Ужасно.

– А давай незаметно исчезнем.

– Хорошо.

– Твоя подруга не обидится?

– Она мудрая.

– Тогда ты первая, я – следом.

Минут через семь мы, одурманенные свободой и прелюдией настигающего нас цунами, бежали по заснеженному переулку. Гулкими ударами сердце норовило разорвать грудь, пульс зашкаливал. Крепко держась за руки, пересекли городскую площадь и притормозили у многоэтажки на Ульяновском спуске.

– Нам сюда, – не задумываясь, Элла поменяла маршрут побега.

Запахавшись, мы ввалились в тёплый подъезд. Разогретые бегом и желанием, запустили катапульту лифта, вознёсшего в небеса сплетённые в объятиях тела. Перед квартирой она тихо предупредила:

– Тебе предстоит познакомиться... Там, за дверью – сорок килограммов моего счастья!

Опешив от неожиданной преграды, я усмехнулся. «Для мужика мелковат. Подросток?»

– И как зовут... столь весомое счастье?

– Тенгри.

Огромный белый пёс встречал нас в просторной прихожей. Он не прыгал, не вилял хвостом, не проявлял какой-либо радости, ткнулся влажным носом в руку хозяйки и целиком сосредоточился на мне. Чуть приоткрыв пасть и высунув язык, он принялся, склонив голову,

просканировал меня умным взглядом и деловито прошествовал на свой персидский ковёр в зале, всем видом демонстрируя, что я не конкурент его царственному положению в этом доме. Не меряясь с ним достоинствами и без претензий на трон, я осторожно прошмыгнул в спальню хозяйки. Минуты через три появилась Элла в шёлковом белом халате с крупными чёрными иероглифами. Прикрыв дверь и неторопливо сбросив с себя невесомое японское одеяние, она растворилась в сумерках приглушённого света одиноко горящей свечи.

– Только прошу: никаких комплексов, сдерживающих фантазии! Считаю, что они испарились. Согласен?

Я не ответил, утробно рыча.

Белёсый рассвет заглянул в окна спальни. Мы лежали в обнимку, счастье таилось в уголках губ и в складках простыни. Неясные звуки выдернули меня из омута сна. Кто-то настойчиво царапал дверь. «Барабашка наведалься, ревнует хозяйку», – посетила тревожная мысль. Нежный стон пробуждающейся женщины, прикорнувшей рядом, вернул меня в реальность.

– Тенгри хочет гулять, – шёпотом сообщила она, не расплескав дремотного состояния. – Выйду с ним минут на десять. А ты поваляйся, рано ещё, – и, выскользнув из постели, накинула халат.

– Мне тоже пора. Нужно переодеться в рыбацкую амуницию и к двенадцати быть у речного вокзала.

– Вы на снегоходах?

– Волга ещё не встала, много промоин. Нас забросят на остров на катере на воздушной подушке.

Полоснув взглядом, Элла безапелляционно заявила:

– Не стоит тебе ехать.

Удивлённо посмотрев на неё, я перестал застёгивать пуговицы рубашки. Склонив голову, сощурил глаза и ехидно зыркнул.

– Расшифруй!

– Почему – пока не понимаю, но точно не нужно!

– Пропущу посвящение – это важный ритуал в рыбацком сообществе.

– Можешь отменить?

– Нет.

– Перенести?

– Подведу друзей.

– Вы надолго на остров? – озабоченно спросила она.

– Как пойдёт, если будет клёв, то дней пять-семь, не дольше.

– Зимой, неделю на острове! Обалдели!

– Вернусь – сразу позвоню.

– Печень посадишь! – взмолилась она.

– Не волнуйся, у нас с этим строго.

– Знаю я вашу мужскую строгость!

– Водку и самогон точно не берём.

– Значит, на вискарь налегать будете.

– Не нагнетай. Ты удивишься – едем с шампанским.

У входной двери, опустив руку в карман куртки, я спохватился.

– Да, чуть не забыл. У меня есть для тебя подарок. Кстати, это работа моей дочери. У неё своя ювелирная линия, – и положил бордовую коробочку с тиснёной сургучной печатью на прикроватный столик.

– Спасибо!

– Потом посмотришь.

Она порывисто прижалась ко мне, но тут же отстранилась.

– Боюсь... не скоро встретимся.

– Почему же?

Ответ повис в тишине. Мы простились. Комок невысказанных чувств подкатил к горлу. Спазм крепко ухватил гортань и ещё долго мешал рыбацким сборам.

Остров

В полдень у речного вокзала я жал руки любителям зимнего экстрима – трём соратникам по экспедиции. Щурясь на ярком солнце, грузный крепыш в добротном овчинном тулупе и унтах кивнул идеально лысой головой, крепко стиснув мне руку.

– Зови меня Опричник.

– День добрый!

– Бориса, а в нашем кругу Комбата, ты знаешь, а это наша светлая головушка – Ангел, – представил он долговязого мужчину с мясистым лицом, усеянным крупными веснушками.

Быстро погрузились. Позади катера взревел гигантский пропеллер, взбесив рой снежинок, которые неистово бились о лёд, взмывали ввысь, закручиваясь, пикировали вниз и скользили по льду, оставляя рыхлый след за летящим болидом. Нагрянувший перед Новым годом морозец, сковав льдом, усмирил Волгу, но местами встречались промоины, которые мы старательно объезжали.

Осыпанный свежим снегом остров искрился, салютуя каждому солнечному лучу, проравшемуся через пелену рыхлых облаков. Нас встретил свирепый лай. Огромный чёрный кобель, услышав шум, лениво потягиваясь, выбрался из будки на крутом берегу. Увидев нагледцов, подъезжавших к его владениям, пёс остервенело бросился к обледелым понтонам на защиту охраняемой территории. Узнав островитян, он сменил хриплый лай на нежные поскуливания, активно демонстрировал радость, тыкался мордой в прибывших и мешал им разгружать катер. Получив порцию чаевых за проявленную бдительность в виде сардельки, страж радостно удалился в свою будку.

На берегу, строго взирая с местного Эвереста, нас ждал... Леший – егерь-охранник, который круглогодично жил в покосившемся домишке, по крышу вросшем в землю. Как и его жилище, за долгие годы он тоже врос в полюбившийся клочок суши и царствовал на нём в отсутствие других обитателей. В наспех наброшенном на плечи коротком, изрядно потёртом тулупе, в трусах до колен и почти истлевших валенках на босу ногу он ехидно посматривал на копошащихся внизу хозяев. Разжившись у них свежим табаком и упаковкой мороженных шпикачек, он благодушно балагурил, приглашая прибывших в свои хоромы отведать рагу из косули.

– Охота была знатная! – густо басил он. – Почти месяц караулил их, подкармливал и приманивал, – щурясь на свету и поглаживая окладистую бороду, моментально обросшую инеем, докладывал главный хранитель имущества прибывших домовладельцев.

Мы знали, что огнестрельного оружия у него нет (принципиально не пользуется со времён тяжёлого ранения в живот, полученного в одной из горячих точек), а значит проявил настоящее охотничье мастерство, выследил и приблизился к осторожным и шустрым косулям на выстрел из арбалета и, как в древности, сразил добычу стрелой. Он – местная легенда, уже лет десять стережёт покой острова: усмиряет заблудших робинзонов в летний сезон, договаривается с местной нечистью и ведёт учёт краснокнижных птиц. Свою военную пенсию отдаёт младшему сыну на погашение ипотеки и живёт на скромные донаты от восьми семей этого поселения. И он счастлив как никто в подлунном Мире! Когда подолгу гостей не видит, при встрече обходительно поинтересуется: «Как здоровье? Что в миру? Вождь прежний?» Получив утвердительный ответ, удаляется в сторожку, где самые важные аксессуары – русская печь, спутниковая антенна на крыше и игровая приставка. Хозяйство у него скромное, но хлопотное: верный пёс Сармат, пяток кур, петух, кролики и десяток кошек с котятами. В морозы вся живность обитает у него в доме – Ноев ковчег на заснеженных русских просторах! Славится Леший знанием шучьей натуры и умением изловить этих изворотливых тварей в любое время

года. Знатоки нахваливают его настойки на местных экзотических травах и байки, коих он знает множество.

- Вечером растопим баньку, часам к пяти подгребай.
- Зачем понадобился?
- Совет держать будем.
- Закусь братъ?
- Главное, свежие байки прихвати, – пригласил Лешего вожак нашей группы.

Заиндевелая щетина на лице островного хранителя треснула довольной улыбкой. Крупные зубы, прокуренные махоркой, тускло сверкнули. Пританцовывая, в обнимку с добычей, он удалился в покосившуюся избу.

Все разбрелись по своим изрядно промёрзшим домам. Наскоро перекусив консервами, мы с Борисом принялись рубить обледенелые чурбаки заготовленных по осени дров. Махая по очереди колуном, прогрелись до копчиков, а часа через три и тепло от «буржуйки» расплзлось по дому ленью и уютом. Сморило обоих. Присели на диван, не скинув фуфайки, и моментально отрубались... Резкий стук в дверь сотряс горницу.

- Дрыхните, суслики? – рявкнул Серафим, скидывая ушанку с рыжей шевелюры.
- Буйный ты больно.
- Опричник созывает всех в баню.
- Мы-то почто нужны?
- Завтрашний поход обсудим.
- Дел по хозяйству полно.
- Хватайте мыльно-рыльные принадлежности и айда.

– Минут через пятнадцать причапаем, – нехотя отозвался Борис, продирая глаза и складывая в холщовую сумку припасённые банные пожитки.

Вооружившись двумя лопатами, мы с ним шустро разметали сугробы, проложив дорожку к русским термам. На ощупь разделись в тёмной прихожей внушительного сруба на покато́м берегу Волги и, замотанные в полотенца, ввалились в освещённую, просторную комнату с охотничьими трофеями, развешанными по стенам. Стол накрыт, но... где все? Удалённый ухающий гул раскалённой печи раскрыл тайну. Нас ждала жаровня и чистилище.

– Как принято у вас располагаться в парной на лавках: головой на юг или на север? – решил уточнить я местные парильные нравы.

– Милок, – нежно разъяснил мне азы физики Опричник, стрельнув взглядом из-под войлочной шапки в форме будёновки, – в правильной русской бане магнитное поле Земли не работает: восток сливается с западом, север растворяется в юге, всё сплавляется и всё едино. Ложись как удобно!

Следуя за холщовыми рукавицами, два дубовых мотылька обдували меня жаром, словно из преисподней, не разу не коснувшись крылами.

- Минута финишного спурта, – изрёк банный кудесник, – крепись.

Превратившись в молоты кузнечного пресса, мотыльки обрушили на мою раскалённую тушку всю нежность карающей десницы и безжалостно, с оттяжкой, втапывали в деревянный настил. Терпел без поскуливаний и просьб о снисхождении. Пошатываясь, выбрался из бани и вдохнул морозный воздух свободы в надежде на передышку. Холодовая экзекуция настигла и тут. Чертыхаясь, под неусыпным оком Опричника, нырнул в сугроб. Ледяные иглы пронзили плоть.

- Б...ть!

Остервенело, растирая опалённое тело пригоршнями свежего снега, я уловил живительные ручейки блаженства, растекавшиеся по организму.

После пяти заходов в парную, истязаний веником, вдыханий ядрёных паров тёртого хрена и растираний тела снегом вожак смиростивился и дал команду рассаживаться за столом.

Напротив него на стул с высокой резной спинкой водрузил распаренное тело Леший. Борис, в прошлом военный, местные звали его Комбатом, огненный Серафим, он же в узком кругу островитян просто Ангел, и я – разместились на широких скамьях вдоль стола.

– По сложившейся традиции, после семейных застолий Новый год отмечаем на льду, – лился над столом бархатный голос Опричника, – а сегодня – вечер историй.

– И подарок будет? – поинтересовался Ангел.

– За лучшую байку – приз из ирландских погребов. – Для всеобщего обозрения на стол из сумки перекинула бутылка виски. – Так же по традиции, тему спича предлагает гость. Ему и слово.

Сидящие за столом уставились на меня. Расслабленный паром и хлесткими вениками, я немного опешил, вяло почесал затылок и, чтобы выиграть несколько секунд, начал с личной истории.

– Так уж случилось, что за пару недель до Нового года я расстался со своей подругой... а вчера, едва ступив на самарскую землю, вновь влюбился. Даже не влюбился, а именно втюрился как... как... школяр, по самые гланды! Раньше в подобных шалостях замечен был лишь в юности. Сейчас очень консервативен в сердечных делах. Что это? Похоть? Страсть? Любовь? Да и есть ли она... в животном мире?

– О как! – воскликнул наш предводитель, – подобная мысль за этим столом не обсуждалась. Предлагаю её тщательно обглодать.

– Одобрямс, – вальяжно потянувшись, выразил свою позицию Комбат.

– Тема звучит так: есть ли любовь в животном мире? Прошу высказываться. Серафим, может с тебя начнём?

– Почему? Я не ходок.

– Ты в селе долго жил, деревенскую жизнь ещё помнишь?

– Думаю, что надо послушать того, кто слился с природой, – Серафим качнул головой в сторону Лешего.

– Что скажешь, – обратился к Лешему Опричник, – есть в заглавнике истории о любви, которых мы не знаем?

Распаренный Лешачок блаженно улыбнулся, собрав на лбу в гармошку крупные морщины, по-старчески крякнул, но уверенным голосом предложил первый тост:

– За встречу у Христа за пазухой, именно тут на острове! Пробуйте, непременно, мою настойку под горячую закуску, а не магазинное пойло, – и элегантно опрокинул в рот содержимое рюмки. – Профессор Преображенский, – елеинно продолжал он гастрономическую тему, хитро сощурив глаз, – знал толк в русской кухне, поэтому со второй рекомендую не затягивать и, вдогонку, закусить солёным грибочком. Грузди удались в этом году на славу, – раскатисто нахваливал он грибы из принесённой кадлушки.

– Давай ближе к теме, – притормозил Комбат, – а то после третьей дискуссия будет... неубедительной.

– Есть у меня наблюдашка, а уж живёт ли там любофф – решать вам. Помнишь, в сентябре минувшего года, – обратился Леший к Серафиму, – Сармат прихрамывал и ухо у него нагноилось, возили его на твоём катере к ветеринару, что на левой стороне Волги, на турбазе. Ты нас днём доставил и только к вечеру забрал.

– Ну, было такое.

– Так вот, у этого ветеринара перед домом на цепи злющая сука, породистая, все конкурсы выиграла, медалями увешана от морды до хвоста, по-моему, алабай.

– Видал её, – вспоминая, мямлил Серафим, – знатная зверюга!

– Жаловался мне ветеринар, что для вязки никого из достойных кобелей к себе не подпускает. Рвёт всех. Измучился бедолага с ней. Никто ей так и не глянул ся. Ну, подлечили, значит, Сармата – укольчик ему вприсунули, ухо промыли, и мы с ним отбыли к себе на ост-

ров. Напомню: в сентябре дело было. В октябре пёс мой пропал. С неделю его не было. Всё, думал, сгинул помощник. Наверняка приняли за волка и кто-нибудь из охотников в хмельном угаре его пристрелил. Обошёл, значит, весь остров в надежде найти тушку и придать земле. Напрасно лазал по буеракам. Дней через семь явился, да не пришёл, а еле приполз. Изголодался, осунулся, мокрый и облезлый, даже в будку забраться сил не было. Я, конечно, обрадовался родной душе, супчика ему куриного налил в миску. Встать на лапы он уже не мог, полакал лёжа чуток и спать. Я его в старое одеяло укутал. Суток двое он не шевелился, думал, издохнет, а на третьи – вскочил, загавкал.

– Оголодал, поди, – расплылся в улыбке Серафим.

– Наелся и давай в танцах рыть ямы по острову. Никогда таким довольным его не видел.

– И где тут любовь, – не выдержал Комбат, – обычная собачья история.

– погоди, дослушай. Пару недель назад звонит мне тот ветеринар. Случилось ЧП. Его любимица четверых щенков принесла, да все не в её масть: чернявые и какие-то остромордые, дворняги, значит. Он, естественно, на Сармата валит, паскудой моего любимца обзывает. Породу её, знатную, мол, мой мальчик подпортил. Мне счёт намеревался астрономический выставить...

– И.

– Отбрехался я, конечно. Сказал, что Сармата хозяйева тогда ещё, в сентябре, в город забрали и нет его на острове. А сам размышлять стал: октябрь, холодрыга, вода уже градусов десять, а то и ниже, ширина Волги тут около двух километров, да и течение безумное. Попробуй – переплыви её, снесёт километров на двадцать, а то и дальше. И ради чего? Или КОГО, – выделил он осипшим голосом, – можно предпринять подобное губительное для организма мероприятие? Шансов выжить-то не много. Что это, если не любоффф?

Все задумались, вяло ковыряя вилками, восхищаясь в душе собачьими чувствами.

– Думаю, выражу общее мнение, – одобрительно подытожил Опричник, – перебить такую историю невозможно. Приз однозначно достаётся хранителю нашего спокойствия – Степанычу.

– А про островную нечисть свежие байки имеются? – вяло поинтересовался Серафим.

– Не далее как вчера приключилась история.

– погоди, – встрял Комбат. – Давай ещё по одной пропустим. Настойка хорошо пошла.

– Дельная мысль, – поддержал Опричник.

Жахнули без закуски... тепло накатило как прилив океана.

– Продрал я, значит, глаза после Новогодней ночи, – робко заговорил Леший, – и выбрался из берлоги на берег осмотреть владения. – Его голос окреп. – Чудес на острове много, но такого я не видал никогда... Метрах в пятистах от меня, ближе к другому берегу соседнего острова, на повороте, большущая промоина. Водовороты там и течение дурное. На льду метрах в ста от берега у края промоины сидит рыбак в серо-коричневом бушлате. Я про себя подумал: «Вот, безмозглый дурень, судьбу испытывает и жизнь ему не дорога». Но чую, что-то не то. – Он медленно окинул жуликоватым взглядом с прищуром участников застолья, выдержал театральную паузу и бодро продолжил историю. – Всё окрестное вороньё слетелось, лёд аж чёрный вокруг от сотен птиц, и расселись они как-то странно: полукругом вокруг рыбака и орут истошно, но ближе десяти метров к нему не подходят. Я уже решил, что утопленник всплыл на Новый год и ледок под ним затвердел. Думаю, пора в МЧС звонить, пусть вызволяют бедолагу.

– Какой ты говорливый сегодня, – удивлённо поцокал Комбат, – раньше лишнее слово и клещами не вытащишь.

– Целебный эликсир надавил на печень, – гоготнул Ангел.

– Короче, присмотрелся повнимательнее: ан нет, шевелится рыбак – то плечами подёргает, то голову в меховой шапке склонит. Не иначе как... кикимор развлекается! Вырядился, значит, под утопленника и хулиганит. То-то вороньё к нему приближаться боится. Ну, думаю –

надо ж его, родимого, рассмотреть! А то столько раз, гадёныш, снасти мне путал, пугал неопытных рыбаков в округе, а уж бабёнки от его шалостей долго в себя приходили. Глянул ещё разок – кикимор мой чуток в размере подрос, будто привстал. Помчался я в избу за треногой и оптикой. У меня специальная труба для наблюдений имеется. Выставил треногу, приладил аппарат, навёл фокус. Какие версии будут у честной компании? – задорно обратился Леший к слушателям.

– Неужто рассмотрел нечистого? – удивился Ангел.

– Бобёр выбрался на лёд погреться, – вбросил свежую версию Комбат.

– Не томи, нам ещё важный вопрос решить надо, – устало заметил Опричник.

– Ладно, не буду ваши мозги патокой конопатить... У промоины сидел белохвостый орлан: распушил холку, расправил крылья и трапезничал крупной рыбиной. Его подруга сидела рядом и терпеливо ждала своей очереди. Потом и она подключилась к пиршеству, когда дружок насытился.

– Вот вам и меховая шапка в бушлате, вот вам и кикимор! – залиvistо рассмеялся Ангел.

– Прекрасная история, тебя можно слушать часами, – одобрил глава застолья. – За шикарную байку презентую тебе из личных запасов коробку гаванских сигар.

– Есть и стихи, – скромно заметил Леший, скребя взглядом брусчатый пол, – меня прям в Новогоднюю ночь аж до слёз пробило.

– Читай, – одобрительно буркнул Комбат, – если не долго. – Ты ж чай не поэму накропал?

Леший приосанился на своём троне, зажмурился, погружаясь в затуманенные настойкой недра памяти, и вдохновенно излил нагим островитянам свои Новогодние прозрения:

– Бывают души с крыльями и без,
Бывают чёрными они порою,
Бывают ангелы, упавшие с небес.
Бывает, входит в рай прощённый бес,
Путям господним нет числа и строю.
Я сам, прожив десятки лет,
Иду не самой праведной тропой.
Я обречён – как воин и поэт,
Кровоточу истерзанной душой.

– Браво! Прошу аплодисменты, – захлопал наш предводитель.

– Прошибает! – восхищённо отметил Комбат.

– Могу продолжить?

– Скажи лучше, где завтра встанем на шуку в затоне: на отмели у травы, ближе к берегу; вдоль камышей – там поглубже; или полезем на ямы? Что наш штатный шукавед думает?

– Шука, что сука – свой природный цикл имеет. Время пришло, она в ямы скатилась. Там и брать надо.

– Решено, – подытожил Опричник. – Завтра в шесть стартуем.

– Я приберусь, – громогласно заявил Ангел.

– Всем отдыхать. Посуду позже уберём. Да, шампанское у кого?

– Ящик у нас, – отозвался Борис.

– Берите по бутылке на нос и одну запасную на посвящение.

– Не маловато ли?

– Пяток, думаю, хватит.

Разомлевшие после баньки и застолья мы с Борисом завалились спать в протопленной комнате вокруг буржуйки. «Завтра посвящение! Как всё будет?» Заливистые серенады храпа с соседней лежанки, сопровождаемые красочными видениями ритуала, быстро убаюкали и меня.

Посвящение

Утром морозец усилился. Разрывая тьму слепящими глаза фарами, мимо нас промчались два снегохода и понеслись по целине к лесу на дальнюю оконечность острова, по форме напоминающего упитанный месяц.

Взревев моторами, мы с Комбатом, тоже на снегоходах, припустились за ними по проложенному тракту. Проехав «райские ворота» между двумя двухсотлетними раскидистыми соснами, покатали вдоль кромки леса, не углубляясь в припорошенные снегом буреломы. Добрались до тайного убежища Лешего, он его то дальней дачей, то отшельническим скитом называл (глубокая землянка с печным обогревом на отшибе леса, сверху закиданная хворостом). Сбавили обороты и медленно покатали по тропе, выходящей к заливу. На берегу нас ждали компаньоны, активно разбирая рыбацкие снасти в свете фонарей.

– Лёд хороший, сантиметров пятнадцать будет, – заорал из темноты Серафим после пробного бурения.

– С транспортом на лёд не выезжаем, для безопасности, – учтиво просвещал меня Опричник. – База тут на берегу, дальше по льду пёхом.

– Шампанское на лёд берём?

– Да. С рассветом приступим к ритуалам. Комбат, – крикнул он. – Подсвети спуск.

Луч фары вырвал из серой мглы спуск к водоёму и копошащуюся на льду фигуру Серафима.

– Весь донный ландшафт в этом затоне мы изучили эхолотами ещё летом, где ямы знаем, – пояснил Комбат.

– Рядом встанем? – уточнил я.

– На льду держись от меня метрах в десяти. Бури и ставь снасти.

– Все донки берём?

– Да. Если почувствуешь под ногами «мягкий» лёд – обходи, могут быть небольшие промоины, затянутые свежим ледком.

Опричник, насверлив дюжину лунок в стороне от нас, быстро управился со своим сектором охоты и оперативно соорудил стол из припасённого куска фанеры и льда, добытого при бурении. Зачерпнув кружкой воды из лунки, он залил её в котелок, который водрузил над голубоватым пламенем походной горелки. Восемь яиц из картонной упаковки булькнули в ледяную воду котелка.

– Минут через десять рассвет. Подтягивайтесь к столу, – раскатисто по просторам залива разлетелось приглашение.

Из рыбаков, помимо шеф-повара, я первым оказался у походной жаровни.

– По сложившейся традиции, – поучал меня Опричник, – будет четыре тоста и четыре смены блюд. Все по авторским рецептам. – Склонившись, он аккуратно увеличил пламя горелки и извлёк из походного туеска две банки. – Ресторанные гурманы в качестве изысканной закуски предпочитают перепелиные яйца и икру осетровых рыб. Мы же вкрутую варим яйца местных островных несусек, которые нам заботливо заготовил Леший. Для него это солидное подспорье, а нам – отсутствие мороки с транспортировкой столь хрупкого груза.

С ухмылкой, поглядывая в котелок с закипавшей водой, Опричник, с явным удовольствием, завершал моё гастрономическое просвещение.

– Половинки из белка заполняем чёрной икрой – и вуаля, первое блюдо готово. Желтки не едим, они нужны для ритуала. Из напитков предпочитаем игристое «Новый Светъ» или просекко брют.

– Как быть: я шипучее вино не пью?

– С водкой или вискарём на лёд не выходим. Табу. У нас добровольно-принудительная демократия. Я тут прокурор, судья, а при необходимости – и палач. Могу прописать наказание розгами.

– О как! – удивлённо выдохнул я. – Широта полномочий впечатляет.

– У себя дома закапать в глаза из пипетки имеешь право любой напиток, хоть самогон. Прошу не отлынивать и всех взять бокалы. Держим кучно. – Он торжественно посмотрел на каждого, давая понять важность момента. – Ангел наш, – по-отечески, нежно обратился Опричник к Серафиму, – ты нынче разливаешь нам счастье!

– Исполню.

– Потрудись уж.

Свет скользнул по заиндевелым макушкам деревьев и растёкся по ледяным просторам. Хлопок освобождённой из плена пробки прозвучал как торжественный выстрел пушки с бастиона Петропавловской крепости. Счастье плескалось и искрилось в гранёных хрустальных фужерах минувшей советской эпохи.

– С Новым годом! Ура! Ура! Ура-а-а! – раскатисто покатилося по льду озорное эхо, вырвавшееся из четырёх глоток.

Береговой камыш, припорошенный снегом, заботливо поглотил звук, чтобы он не тревожил пушистые ветки соснового леса.

– Не спеши, – удержал меня за локоть Опричник, – смотри на Серафима, как правильно подходить к снаряду. Начинённую половинку яйца он переворачивает и на язык кладёт икрой, смакует, слегка придавливает нёбом и ловит ручейки радостных ощущений, разжёвывает и только потом заливает пузырями. «Брютальная» терпкость напитка идеально дополняет солоноватую жирность белка. Делай как он...

Повторив этот несложный трюк, плотным куриным белком я прижал к языку солоноватые рыбы яйца, отхлебнул из фужера и... застыл, пытаюсь справиться с оторопью от изысканной вкусовой гармонии. Слов не было. Мои распахнутые глаза говорили о новых эмоциях.

– Хорошо? Хорошо? – допытывался Опричник.

– Да, – только и смог произнести я.

– А будет ещё лучше! Смена блюд под второй тост. Никому не расходиться. Сейчас готовлю закуску по фирменному рецепту Бориса, мы так её и прозвали – комбатский бутерброд или полковничий погон.

Из пластикового короба Опричник извлёк четыре галетных печенья, смазал тонкими слоями сливочного масла и красной икры, выложенной по краям дорожками. По центру печенюх аккуратно пустил дорожку из чёрной икры.

– Можно, конечно, извратиться и детально следовать названию блюда. Для этого вместо чёрной дорожки на «погоне» нужно разместить три горки севрюжьей икры. Сверкают они как звёзды на полковничьих погонах!

Красно-чёрные бутерброды красовались на белой тарелке на фоне заснеженных просторов водоёма. Я в восхищении взирал на изысканный минимализм праздничного застолья. «Пожалуй, украду у них идею торжества и использую в одном из сценариев.»

– Тут тоже своя технология употребления, – продолжал поучать Опричник. – Бутерброд не переворачивай, половинку откусывай и уже во рту проводи сальтомортале, чтобы по пути не растерять ни единой икринки. И не дремать! Запиваешь пузырящимся концентратом счастья. Все готовы? – он строго осмотрел команду. – За фарт и рыбацкую удачу! – фужеры звякнули. – Прошу шёпотом, чтобы не спугнуть, троекратное: ура, ура, ура-а-а!

Тихое эхо докатилось до ближайших кустов и растревожило мохнатое одеяние веток. В скрипучей тишине осыпающегося инея, сладко причмокивая, мы опустошили фужеры.

– Перекур. Всем проверить снасти. Минут через тридцать подходите. Пока солнце на подъёме, проведём ритуал, – скомандовал предводитель.

Все разбрелись по своим угожьям, окученным рыбацкими снастями. На пятой лунке Комбат напрягся, скинул варежки и медленно потянул лесу вверх, выуживая добычу. Прихватив её в жерло лунки за жабры, он вытащил щуку на лёд.

– Первая на сегодня, – торжественно продемонстрировал он увесистый, зубастый улов.

Воодушевлённые успехом друга, мы с Ангелом бодренько обежали свои снасти. Пусто. Постояли рядом с ними, гипнотизируя на поклёвки и упрашивая удачу снизойти до нас.

– До вечера и мы свою добычу обязательно ухватим, – подбадривал меня Серафим.

– Ждём-с, – сосредоточенно отбоярился я от навязчивого рыбацкого оптимизма.

Потоптавшись на месте, я старательно растёр пальцами смёрзшиеся ресницы. Пощипывая нос и щёки, вальсируя по ледяным просторам, прогуливался ветерок.

Удочка дрогну ла... Вскоре первая добытая мной щука трепыхалась в мешке.

– Всё готово, прошу к столу, – с лёгкой позёмкой долетел голос предводителя.

Глаз вновь радовался яркому виду сочной закуски. На белой тарелке лежали разрезанные вдоль половинки четырёх небольших грунтовых огурчиков. Каждая из половинок густо, с горкой, выложена красной или чёрной икрой.

– Жахнем пятую? – уточнил Ангел.

– Для того и прихватили. Доставай. А скажи-ка, мил человек, – обратился наш вожак уже ко мне, – как ты руководишь творческим процессом? Это ж, наверное, посложнее, чем командовать дивизией?

– Не думал над этим.

– У вас и устава нет, и присяги, и помирать никого за Родину не заставишь. Как ты духовно окормляешь коллектив и добиваешься исполнения своих замыслов?

Я насупился, вспоминая приёмы воздействия на единомышленников.

– То кнут, то пряник, иногда интеллектуальную дыбу использую, когда простых слов недостаточно.

– Прекрасный ответ! Значит, старорусских канонов придерживаешься: кнут, пряник, дыба. Это ж фактически инструментарий опричнины. Мне это близко. Коль необузданных актёров окормлять получается, будешь откликаться в нашем узком кругу на Кормчего! И знай, это имя дано тебе не просто так. Когда-то придётся взвалить на себя бремя рулевого.

Хлопок пробки известил мир о наречённом.

– За Кормчего! – Мелодичный хрустальный звон разнёсся по затону. – И обязательно под огурчик с чёрной икоркой! – торжественно напутствовал Опричник.

– Бла-го-ле-пи-е! – пожёвывая, протяжно урчал Серафим, широко раскинув руки и наслаждаясь простором.

– Ты должен знать, – загадочно шепнул Опричник, – здесь, на острове, мы не просто христиане, верующие в единого бога, мы – чуть-чуть язычники! Веруем в природу-мать и разные её проявления. Добычу берём – сколько будет дадено, но не больше, чем нужно. Живность без потребности не губим, и без браконьерских замашек. Сети, перемёты и динамит не используем. Если одобряешь такую веру – ты приживёшься в нашем кругу.

– Одобряю... Спасибо.

– Ну что ж, в разгар зимы, по традиции, мы приносим подношение солнцу. Возьми желтки – символ жизни и солнца и пробей пешнёй корку льда в лунке. Обрати внимание – ритуальная лунка в стороне от остальных и без снасти. Не поганим её даже помыслами о добыче.

Прочистив жерло лунки от льдинок шумовкой, я выпрямился, ожидая последующих наставлений.

– Не спеша, опусти желтки в волжские воды. Теперь, все вместе, как хромированный идол на «Площади Славы», возносим руки к небесам.

– Из желтка, из верхней части, солнце светлое явилось, – вдохновенно басил Опричник. – Из желтка, из верхней части, солнце светлое явилось, – вторили ему три взволнованных мужских голоса. – Из белка, из верхней части, ясный месяц появился.

– Это из рун, – тихо шепнул Комбат.

– Из белка, из верхней части, ясный месяц появился.

– Теперь, хором:

– Прими, Ярило, наши дары! Благодарим за свет и за жизнь! Благодарим за Кормчего!

Чистый звук соприкоснувшихся фужеров повис в морозном воздухе и, плавно покачиваясь, поплыл по просторам. Сочная мякоть огурца и лопнувших на языке крупных икринок форели, приправленная пузырящимся счастьем, потрясла меня. Онемев в восхищении, я сосредоточился на переливах вкуса и медленно ворошил языком пустые оболочки икринок, плотно прижимая их к нёбу.

– Благодарю, – только и смог выдавить я.

– Рыбалка продолжается, – напутствовал Опричник, – подходите позже, заварю травяной сбор Лешего – сплошные эндемики, согревает прекрасно и силы восстанавливает отменно.

Через час аромат настоящего чая неудержимо заполнял лёгкие, разгоняя сгустившуюся на морозе кровь. Нежно обволакивая мозг, он вызвал деятельную эйфорию. Усталость моментально улетучилась, глаза зажглись. Вновь хотелось двигаться, насверлить лунок и совершить рыбацкий подвиг, удивив соратников отменной добычей. Оперативно завершив чаепитие, все разбрелись по своим угодьям, пасти удачу.

К вечеру улов увеличился до семи щук на четверых, ветер усилился, позёмка закружилась в метель и быстро «съела» тусклый свет угасающего дня. В потёмках мы возвращались домой. Ангел на своём снегоходе прокладывал трассу, поглаживая лучом фары запорошенную низину. Опричник мчался за ним. Комбат уверенно держался за резвыми первопроходцами, намереваясь первым проскочить «райские ворота» и выбраться на целинный простор. От усталости онемели плечи. Сомкнув на секунду веки, я вновь погрузился в ранее виденную сказку, запечатлённую на холсте... Хрустящее затишье природы перед стужей. Ледяной ужас сковал подвижные воды речушки. Отражения неба и деревьев вмёрзли в загустевшую водную гладь. Закатный небосвод горел искрящимся многоцветием, подобно северному сиянию. Деревья стояли хрупки и прозрачны. Всё замерло... Встрепенувшись, вернулся в реальность, прибавил газу и почти нагнал Комбата перед воротами левее накатанного пути. На миг пеленой затянуло глаза, меня потрянуло. Передняя лыжа надломилась. Снегоход встал на дыбы, задрал корму к небу. Как в замедленной съёмке, рассекая сгустившийся воздух, торпедой, я летел вперёд, пытаясь рукой защитить лицо.

Часть вторая

Метод

На лугу...

Прикрыв усталые веки, Элла тяжело опустилась на стул рядом с кроватью. Её ровный голос заполнил больничную палату:

– Пока ты не с нами, я буду называть тебя... Кормчий. Так нарекли тебя друзья. Мы будем знакомиться с тобой. Представь: мы лежим на ковре из клевера и одуванчиков, над нами синь неба, лиловые дали и коромысло сияющей радуги. Мы давно знаем друг друга. Это чувство появилось у меня прошлой зимой, когда впервые, мимолётно, я увидела твои васильковые глаза. Поглощённый беседой с давним другом, ты не обратил на меня никакого внимания, а я не спала всю ночь и молила Бога о ещё одной, пусть даже совсем короткой, встрече с тобой, сама не знаю зачем. Терпеливо ждала тебя весной, надеялась на встречу летом, ждала всю тоскливую осень. Ждала. И она случилась в кафе «Комод» в первый день Нового года.

Ладонью правой руки она медленно провела над его забинтованной головой, ощутив неживой, будто тефлоновый холод. Пергаментный цвет лица пациента выдавал близость роковой черты. Шумно выдохнув, Элла улыбнулась своему отражению в окне.

– Вытащу! – заверила она отражение. – Мне разрешили...

Коснувшись пальцев его руки, медленно раскачиваясь, она всматривалась в только ей известную пустоту.

– Я призываю дух целительства и прошу разрешить мне провести свет исцеления через повреждённые клетки, сосуды и ткани. Пусть жизнедательный луч, пройдя через меня, исцелит разрушенное. Благодарю!

Тишина давила на уши тоннами рыхлой ваты. Тусклые отблески стеклянных плафонов жались к потолочному светильнику. Волосы Эллы, собранные в тугий пучок на затылке, стянутый гребнем, мешали ей расслабиться и излить молчаливому собеседнику сокровенное. Избавившись от гребня, она встряхнула пышной шевелюрой роскошных волос и после продолжительной паузы осторожно заговорила.

– За короткий период, меньше месяца, мне были посланы трое совершенно разных мужчин. С одним из них я встречаюсь по утрам в Струковском парке, когда выгуливаю пса. Мы обмениваемся улыбками и молчаливыми приветствиями, иногда раскланиваемся. Частенько он кладёт в мой почтовый ящик свои новые стихи, полные нежности. Я знаю, что ужасно нравлюсь ему. Он буквально пожирает меня глазами, но близостью боится разрушить свою хрупкую оболочку творца. Для него я не женщина, а эфемерная муза, объект поклонения. Но без утренней искры его страстного взгляда, если мы вдруг разминулись на прогулке или в непогоду мой упрямый Тенгри отказался выходить из дома, – день мне не мил и тонет в непролазной рутине. Я чахну.

Она неторопливо разглядывала заснеженную даль, приправленную искрами огоньков в окнах домов. Чернильный вечер нёс тоску одиночества. Спешить домой было незачем.

– Другой – высокий, крупный мужчина с благообразными чертами лица обиженного ребёнка напористо пытался завоевать меня. Он покорял своей щедростью, внимательностью, готовностью угодить моим прихотям, а их, поверь, было немало. Рестораны, дорогие отели, круизы – всё, о чём может мечтать женщина, он швырнул к моим ногам. Я позволяла баловать себя и на год утонула в липкой роскоши. Он – виртуоз тревожности и гениальный скептик: всегда и всем недоволен. Каждый свой шаг тщательно вымерял, сомневался, советовался, выис-

кивая оптимальный вариант, и... всё равно бездействовал, страдая и мучаясь от собственной нерешительности. Даже расставание с давно не любимой женой заняло у него четверть века с вовлечением в этот мутный омут родственников, адвокатов, нотариусов, друзей и даже бывших подруг и любовниц. Их он «пытал» изошрённо, с пристрастием. Не у всех хватало терпения в сто первый раз выслушивать плач Ярославны о трудностях расставания с недвижимым имуществом, о кончине чувств. Безусловно, его лучшая роль в жизни – роль унылого говна. В ней он бесподобен! Себя же он готов превратить в коврик, о который я вытираю ноги, – лишь бы оказаться в моей спальне.

Резкий выдох гулко отразился от стен палаты, растворившись в закатном солнечном луче, на миг заглянувшем в неё. Тишина сгустилась в ожидании завершения исповеди.

– И ты – такой... нескладный и... и ослепительный, реальный и недостижимый, желанный и отталкивающий. Рядом с тобой я таю, но сердце кровоточит в предчувствии неизбежного расставания. Каждый миг с тобой – бесценен! – Она сжала в своей ладони его руку. – Я знаю, ты слышишь. Зову тебя: Ко-о-рмчий, вернись! Кормчий, вернись! Завтра приду опять. Жди меня и не спеши за... черту. Там я бессильна.

Сдерживая слёзы, быстрыми шагами она покинула реанимационный блок. Выбежав во двор клиники, Элла замерла, подняла лицо к звёздному небу и прошептала:

– Господи, помоги!

Тёплый свет гигантских лампад прилёг на холмы, на каждый цветок, на каждую травинку безбрежного луга. Я рассеянно брёл, вдыхая ароматы сочного разнотравья, иногда наклоняясь и поглаживая плотный травяной ковёр. Долго шёл вдоль извилистой реки-переплюйки шириной не более пяти метров, пока не уткнулся в длинную очередь. Мрачные люди укоризненно взирали на меня и угрюмо молчали. Унылая очередь двигалась медленно: каждый счастливчик, дошедший до речушки, выхватывал из неё заветный чемодан или дорожную сумку и быстро удалялся. Только теперь я увидел, что по реке плыло несметное количество чемоданов. Река, как транспортировочная лента гигантского аэропорта, перемещала чьи-то пожитки. Рутинность зрелища завораживала. Застыв соляным столбом, я долго смотрел, как безупречно точно каждый стоялец выуживал именно свой чемодан или саквояж. Попытался расспросить удачливых ловцов, но они меня не понимали, испуганно отстранялись, как от чумного. Расстроенный, я удалился от неприветливой очереди и взобрался на соседний холм повыше. С него-то и узрел бесконечность человеческой очереди и «чемоданной» реки. Они сливались у подножия покорённой возвышенности.

Спустившись в низину с пологой стороны холма и осторожно ступая по траве, я набрёл на строительную площадку. Рабочие в карнавальных масках восточных демонов, как муравьи, сновали вверх-вниз, сооружая гигантскую сцену. Удивился я не размаху строительства, а мимолётной мысли: «Каким же огромным будет занавес, который отделит участников театрального действия от зрителей ей?» Развернув ладони кверху и впитывая благодатный свет, я не свернул в долину, а двинулся дальше вдоль гряды холмов. Впереди показалась развилка: слева арка, озаряемая лучистым сиянием, справа замаячил частокол из врытых в землю и остро заточенных стволов огромных деревьев. Могучие врата заперты. За ним неизвестность.

– Ко-о-рмчий, вернись, – послышался приглушённый крик из-за стены.

Не раздумывая, шагнул к вратам... Странная дрожь земли, жуткий скрип позади и... меня обогнало тяжёлое колёсное сооружение: массивная вышка с десятиэтажный дом с раскачивающимся на толстых канатах гигантским бревном – подобие древнего стенобитного оружия. Оно приблизилось к вратам, бревно качнулось и двинулось обратно, обдав меня плотным воздушным потоком, хотя я стоял на почтительном удалении. Затем бревно вновь полетело к цели и отскочило от врат, словно мяч от добротной стены. Озлобившись на неприступные врата, могучий таран с большей скоростью устремился напролом. Раздался грохот хрустнувших запоров. Дверь устояла. Нестерпимо заболели уши. Гнетущая тишина разрывала мозг...

свистящее у-у-у-х... бах... голова раскололась, врата распахнулись. Приглушённый свет потолочной люстры лавиной хлынул на меня. Хрипя, я глубоко вдохнул через трубку в гортани...

- Вернулся! – констатировал суровый бас.
 - Дыхание устойчиво. Пульс стабильный, – отрапортовал звонкий голос.
 - Завершайте интубацию.
 - Вынимаю трубку.
 - Зафиксируйте конечности и подключите систему, – распорядился строгий мужчина.
- Тени в медицинских халатах, плавно двигаясь, погасили яркий свет.

...«До черты»

Нестерпимо болела правая рука, шея ныла, распухший язык царапал сухое нёбо. Приглушённо звенело в голове, гулкие удары удалённого колокола отдавались в стопы. Открыть глаза и пошевелиться не получалось. «Почему так больно? Как хорошо было там, на лугу! Хочу туда.» Пульсирующая боль расплзлась по телу и растаяла без следа, поглотив сознание.

Дверь скрипнула. Элла вошла осторожно, боясь спугнуть тишину и вернувшуюся надежду.

– Здравствуй, Кормчий, – она села на стул у кровати и коснулась его руки. – С возвращением! Ты молодец! Теперь мы сможем продолжить. Сегодня я расскажу о себе, про свой путь, про все свои грабли. – Методично разглаживая ладонью складки одеяла, она внимательно всматривалась в шрамы на лице больного. – Трижды до нашего с тобой знакомства судьба сводила меня с мужчинами, у которых были травмы головы... – Как в замедленной кинохронике перед ней промелькнули годы юности. – Конец восьмидесятых. Ташкент. Тимур – мой первый жених и одноклассник: его падение с мотоцикла летом, после выпускного, свернуло наши близкие отношения на взлёте. Тогда я ещё не знала о своих способностях и не помогла. Тимка долго был в коме: врачи старались, родственники молились, я ревела... не вернулся. Так пришло осознание несовершенства Мира.

Элла долго сидела молча, касаясь бесчувственных пальцев загипсованной руки пациента. Видения прошлого не отпускали. Мысли путались, мешая сосредоточиться.

– Прошли годы после тех трагических событий. В начале девяностых я жила в стиле «похер»: в мединститут, конечно, поступила и училась прилично, но дружила с реальными бандитами, ездила с ними на стрелки разруливать их проблемы и даже как-то раз попала в разборки со стрельбой. Шальная пуля зацепила мне плечо. Образумилась. Шрам – напоминание. Научилась ладить с ловкими дельцами, которые дарили мне цветы не букетами, как другим девочкам, а целыми ларьками. Короче, ходила по лезвию, но не зарывалась и наблюдала мир во всех его проявлениях.

Сжав губы, она сосредоточенно всматривалась в окно, выискивая между домами вид на ледяной панцирь Волги с торосами. Заснеженные горы на фоне мглистого неба и белёсой глади застыли, как гигантские скульптуры, вмонтированные в городскую среду.

– Артур, мой первый муж, получив минно-взрывную травму в Афганистане, после многочисленных госпиталей долго держался, стараясь быть обаятельным. Влюбилась в него неистово, до одури. А после рождения сына муж посчитал, что захомутал меня навеки, начал пить, скатываясь в преисподнюю. Алкоголь заглушал его глубинную боль, а заодно и всё человеческое в нём. Однажды после двух рюмок он серьёзно избил соседа и впервые ударил меня. Отделалась синяками, но не стерпела. Понимала, что такое прощать нельзя. Следующего неизбежного срыва ждать не стала, оборвала все контакты и с трёхмесячным сыном умчалась на край света, в Сургут... Артур подключил свои связи в силовых структурах, обещал отобрать ребёнка. Даже мама и сестра в ту пору не знали, где я. Помог брат. Освоилась на Севере, лечила аборигенов, а потом перебралась в Самару.

Элла подошла к Кормчему со стороны головы и минуты три, словно мяч, держала её в своих ладонях, не касаясь бинтов. Скользкий тефлоновый холод ушёл. Впервые за долгое время она улыбнулась.

– Эдик, второй муж, – сухо продолжала она, присев на стул, – череп проломлен при заказном нападении. Разборки девяностых. Нагло, нахрапом у него отжимали строительную компанию. Чудом выжил. До сих пор металлическая пластина в голове. Восстановился. Помогла ему разгрести проблемы и с бизнесом, и со здоровьем. Год батрачила по двадцать часов на его компанию и бухгалтером, и юристом, и внештатным психологом. Он же, видимо в благодар-

ность, посчитал меня своей собственностью: изолировал от мира, лишил денег, запер в доме с детьми. У него реально срывало крышу, если рядом со мной он видел постороннего мужчину. О-о-очень боялся потерять меня. Ушла не раздумывая, уже с двумя сыновьями. Как же тяжело мне было в те годы выстраивать свою жизнь. Сдюжила! Погрузилась в работу и воспитание двух озорных подростков. Только это и спасало от безысходности.

Она внимательно рассматривала стены, по которым двигались исполинские тени. Рассеянный свет удалённых автомобильных фар торопливо скользил по потолку, бесцеремонно вторгаясь на стены, словно они были полем битвы света и тьмы.

– Теперь твоя история: заповедный остров, рыбалка, таинственный ритуал посвящения, снегоход, летящий на безумной скорости... – Губами она припала к его неподвижной руке и замерла. – Спать сегодня мне небеса не дадут. Надо хорошенько обдумать эту цепь событий, ведь каждые десять лет Вселенная испытывает меня, подкидывая непростые задачки про дорогих мне мужчин с пробитыми головами. Надо проследить эту закономерность. А может быть, это особенность моей жизни? Мне нельзя влюбляться... и я опасна для мужчин? Или они для меня?

Дверь в палату приоткрылась, заглянула озабоченная медсестра.

– Скоро обход. Вам пора, – тихо напомнила она.

Покидая покои, Элла оглянулась и пристально посмотрела на осунувшийся профиль больного, надёжно фиксируя его в своей памяти.

Прогулка на морозе по набережной Волги, созерцание причудливых ледяных нагромождений и динамичные танцы снежной позёмки вокруг хаотично раскиданных глыб вернули её в прежнее спокойное состояние. Она замерла, затаив дыхание, прикрыла веки и внутренним взором воспроизвела недавно увиденное – бледный профиль Кормчего с рубцами от шрамов на лбу и щеке. Пустота вновь затянула её в свои объятья. Она твёрдо знала, что восстанавливается всё живое, главное – вера и желание. Мысленно, коснувшись пациента, Элла обратилась за разрешением... Снежный вихрь промчался рядом и запорошил её лицо колючими снежинками.

– *Я запускаю процесс восстановления,* – отчётливо шептала она потрескавшимися на морозе губами, – *и вижу, как микроскопические золотые шарики устремляются к очагу твоей боли и приступают к активному ремонту трёх сломанных позвонков шеи, раздробленной руки и гигантской гематомы мозга. Им нужно время, а тебе – силы и воля жить.*

Сеанс исцеления прекратился так же неожиданно, как и начался.

– Всё, дальше нельзя, – сообщила она выюге.

Силы её иссякли, идти по набережной в сторону речного вокзала против завывающего ветра стало невыносимо. Она свернула к двухэтажному стеклянному зданию с вывеской «Чайхона», в котором за морозными окнами теплилась жизнь. Вспомнив про любимые с детства «шкварчуны», которые подают на раскалённой сковородке, она ускорила шаг.

Ритуал

На две недели в отделении травматологии ввели строгий карантин. Встречи с посетителями отменили. Прорваться не помогли ни уговоры, ни посулы. Она появилась в клинике в начале календарной весны под бодрящие звуки капли.

– Сегодня утром, во время процедуры, пытался сорвать бинты и встать. Очень агрессивен, может даже укусить. Вновь зафиксировали. Непрерывно стонет и мычит, слов не разобрать. Дали обезболивающее. Сейчас спокоен. Вы, пожалуйста, ни в коем случае фиксаторы не ослабляйте, – напутствовала её медсестра, покидая палату, – я скоро загляну.

Элла присела на стул и, коснувшись кончиков пальцев его правой руки, вполголоса произнесла:

– Здравствуй, Кормчий! За две недели ты окреп и даже буянишь. Жизнь возвращается к тебе, пусть и медленно. Пока ты не снами, я постараюсь достучаться до твоего подсознательного. Продолжим... – Доносящийся из коридора шум на миг отвлёк её внимание от пациента. Элла сосредоточилась на главном. – То, чем я занимаюсь, называется ясночувствованием и яснознанием. После той нашей ночи я уже знала, что совсем скоро тебе потребуется моя помощь, но не понимала зачем. Ты был здоров и даже напорист. А когда позвонила Лена, твоя сестра, – все пазлы сошлись. Ей передали телефон. Твои последние звонки были адресованы мне. С ней мы побывали на острове на месте аварии. Никаких замаскированных капканов не обнаружили. Такое ощущение, что ты врезался в невидимую преграду, которую легко проскочили твои компаньоны. Тебе о-о-очень не повезло или... тут что-то другое, чего я пока не в силах понять. Но в одном я уверена абсолютно – у тебя замечательные друзья! – Услышав приглушённый стон, Элла непроизвольно улыбнулась. – Да, да, тебе повезло с друзьями! Тем вечером Борис, обнаружив пропажу напарника, сразу помчался на поиски. Нашёл тебя без сознания в луже крови меж двух могучих сосен, вы их ещё «священными вратами» прозвали. Взвалил тебя поперёк сиденья своего снегохода и, потихоньку управляя одной рукой – пальцы второй держал у тебя во рту, придерживая язык, – кое-как добрался до дома. Вызвали МЧС, примчалась подушка с пропеллером. Скорая уже ожидала в ближайшем посёлке.

Его веки задёргались, будто он что-то вспомнил. Протяжный стон растворился в спёртом больничном воздухе.

– На три дня, – тихо продолжала Элла, – ты попал в убогую больницу Новокуйбышевска. Тебя мельком осмотрели при поступлении, установили множественные переломы позвоночника и оставили лежать прямо в рыбацкой амунии в палате с обмороженными бомжами. Врач давал на отходную су тки-двое... Ты справился, не ушёл за черту. Потребовалась ещё одна спецоперация по переводу в приличный стационар в Самаре. Помогли друзья. Вмешался Опричник: разрулил бюрократические препоны и сопроводил в нужную клинику. – Её глаза блеснули. Она торопливо смахнула слезу. – Ни дня я не сомневалась, что смогу вернуть тебя из зыбкого пространства между мирами, где ты завис и неприкаянно бродишь. Я чувствую своих... и для этого мне не нужно прикасаться к телу, хотя тактильный контакт усиливает воздействие. – Она отстранилась от больного и, тяжело дыша, устремила свой взор в потолок. – Рядом с тобой – моё тело вибрирует! Это происходит только в местах силы. Ещё вчера я была в Москве, и таким местом была лавочка в древнем Зачатьевском монастыре. Так проявляется моя связь с Мировым Океаном и энергией воды. Вода – мощный проводник. Она может восстанавливать и разрушать.

Элла приложила ладони к его забинтованной руке, погрузившись в несущийся сквозь неё поток.

– *Дух океана, приветствую и благодарю тебя! Разреши мне восстановить тело...* – она запнулась, всматриваясь в голубизну неба. – Никогда я не вмешиваюсь в то, что не позволено. Вода знает, что может разрушить, а что исцелить. Я умею только чувствовать.

Через минуту её голос вновь заполнил пространство палаты.

– Есть ещё энергия Земли. Она проявляется по-другому – тело гудит, слышен необъяснимый низкочастотный гул как предвестник землетрясения. Пожалуй, на сегодня хватит. Ты и так узнал много. Приду через неделю. Обязательно дождись.

Её улыбка рассеяла мрачные тени. Привычный ритм жизни Эллы менялся. Выстроенный и отлаженный мир рушился. Всё чаще её накрывала пустота, накатывала усталость, но где-то в глубине уже прорастала новая, неведомая сила, которую предстояло познать и укротить.

Череду последующих дней поглотила рутина. Днём Элла вновь появилась на третьем этаже клиники. За дверью слышались стоны, хрип, шум борьбы, истощный вопль, мычание, переходящее в грозный рык. Она осторожно приоткрыла дверь палаты. Две медсестры усердно пеленали пациента, фиксируя ему руки и грудь.

– Вам помочь? – ринулась она к кровати.

– Справимся, не впервой... Ослабил бинты на руках, как-то выкрутился и норовил сорвать шейный фиксатор, – пожаловалась ей знакомая медсестра. – Всё рвётся на какой-то луг. Уже можно разобрать отдельные слова. Доктор недоумевает: обычно после такой травмы речь появляется много позже. Если появляется. Даже если он заговорит – воспринимайте как бред. Гематома гигантская, ещё не спала. Он не с нами. Минут через пять успокоится и затихнет.

– Спасибо вам.

– Буду нужна – я в соседней палате.

– Здравствуй! Ко мне ночью в потоке пришла информация, – тихо произнесла Элла, когда медработники покинули больничные покои. – Ты закрыт от Вселенной, тебя не видно, ты не проявляешься. На острове тебе было дано новое имя – Кормчий. С ним, похоже, будет связана твоя последующая жизнь. Об этом – позже. Что делать сейчас – я знаю.

Она положила меж своих ладоней его напряжённую руку и трижды, чуть касаясь сухой кожи, провела пальцами вдоль кисти. Нахлынувшая пустота приоткрыла лаз в подсознание...

– Услышь меня! *Мир – не имеет ни верха, ни низа... ни прошлого, ни будущего. Всё происходит в моменте – здесь и сейчас. Мир – это изобилие. Разреши себе быть здоровым. Слушай тишину внутри и снаружи. Почувствуй и прими чудо.*

Проговорив текст шёпотом, она повторила его увереннее. В третий же раз голос её обрёл мощь, окно вибрировало в такт. Склонившись, она благодарно поцеловала его пальцы.

– Мой дар вольётся в тебя и вернёт в этот мир.

Элла замерла, склонив голову и внимательно присматриваясь к подрагивающим ресницам пациента. Он периодически всхлипывал, издавая на вдохе резкие стоны. Её тело ритмично раскачивалось, словно одинокий камыш под напором вольно гуляющего ветерка. Она позволила телу набрать амплитуду и волевым усилием погасила движения, вытянувшись в струну.

– В энергетических местах, – шептала она, – меня непроизвольно качает, вот как сейчас. Не могу понять, что связывает нас? Неужели только одна пост-новогодняя ночь? Или всё-таки девятый вал, который обрушился на меня в «Комоде» и сбил с ног? Может быть, некий разряд прожёт душу ещё при первой встрече? Сама не ведаю! Я же влюблялась и раньше, дважды была замужем, опалила чувства, но мои лёгкие и сердце каменеют от одной мысли о тебе... Я задыхаюсь, как астматик, кровь в жилах густеет, будто заживо сдирают кожу. Ждать в такие моменты невыносимо! А вдруг само ожидание подобных чувств ведёт к непоправимому ущербу?

Резко поднявшись со стула и чуть не опрокинув его, она прошла по палате, выдохнула, стряхнув нахлынувшие эмоции. Ожидание благополучного исхода переполняло её. Хотелось немедленно действовать.

– Сегодня, – громко и чётко произнесла Элла, словно обращаясь к аудитории, – мой дар целительства, переданный от предков, перешёл к тебе. Мои силы ослабнут, но ты запустишь механизмы самоисцеления и самопомощи. Желай себе быть здоровым. Представь, как восстанавливаются твои надломленные позвонки... как срастаются раздробленные косточки правой руки... как оживают нейронные связи. Ты это можешь. Верь. Крепись. Исцеляйся. Несколько дней меня не будет рядом, но к концу недели я обязательно приду. Обещаю.

Не оборачиваясь, она стремительно покинула палату, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Призрачный шанс

Рассеянный свет нежно стекал на каждую травинку безбрежного луга. Я бежал по холмистой равнине к её краю, твёрдо зная, что скоро обрыв. Дыхание сбилось, в глазах потемнело, ноги от усталости путались в длинной траве. Свежее дыхание пропасти ощущалось всё сильнее. Впереди бездна, простор... и свобода! «Свобода от чего? От боли? От проблем? От любви? От жизни?» Ватные ноги с трудом передвигались. Измождённый, я рухнул, но упрямо, на локтях, полз к краю, оставляя извилистый след мятой травы. Схватив пальцами скалистую кромку обрыва, приподнял голову, намереваясь заглянуть в бездну и потом шагнуть вниз. Мощный воздушный поток ударил в лицо, большая чёрная тень заметалась рядом, беспомощно трепеща крыльями. Испуганные глаза гигантской птицы таращились на меня. Хищный клюв, разинутый в изумлении, и подёргивающиеся когтистые лапы выдавали растерянность от встречи со мной на краю земли. Птица издала резкий скрипучий звук и спикировала в пропасть под облака. «Дежавю, ведь это уже случалось при штурме Карадага! Не может быть! – воскликнул я. – Край Земли проходит по побережью Крыма?»

Протяжно застонав от избытка всколыхнувших меня впечатлений, не имея сил встать, я откатился от края пропасти и лицом уткнулся в траву. Плечи вздрагивали, я беззвучно рыдал. Всхлипывая, приподнял голову и осмотрелся. Взгляд упёрся в корзину огромного воздушного шара, которая парила над лугом, медленно покачиваясь и удаляясь от меня. Собрав остатки сил, я вскочил и в отчаянии прыгнул вперёд, зацепившись за неё рукой. Взлетающий шар ещё долго волочил мои ноги по траве. Финишный рывок – и я, обессиленный, свалился внутрь. Приятное оцепенение охватило всё тело. Замерев, долго не двигался, собираясь с силами. Лёжа, со дна корзины, опустошённым взглядом я рассматривал плотные кучевые облака. Шар долго болтался в белёсой рыхлости, пока ослепительный луч не пронзил её.

– Ко-о-ормчий! – услышал я протяжный голос. – Вернись!

Стужа сковала мышцы. Шар покрылся потрескивающей коркой льда, холодный ужас проник в мою голову. Страхнув с одежды льдинки, я выглянул из корзины и огляделся. Бескрайний луг исчез, впереди – ничего не видно. К свету, одновременно со мной, летели тысячи шаров, и только мой постигло досадное обледенение. Движение замедлилось, он завис и... сорвался в штопор. Мошонка вжалась в пах, желудок подкатил к гортани, в висках пульсировало. Скинув рубаху, рывком выбросил её из корзины. Штаны с ремнём полетели следом. Балласта на борту больше не было, кроме нательного креста, болтавшегося на шее, да, пожалуй, перегруженного мозга. Сколько же тяжёлого хлама я вытряхнул из него! Сколько мусора вымел! Падение замедлилось, но ненадолго. Подтаявшие льдинки соскальзывали с оболочки шара, безнадёжно терявшего высоту. Я падал, но не сорвал с шеи крестик.

Резво взбежав по ступеням больничного корпуса, Элла влетела на третий этаж. Вечерние тени облизывали бледные стены длинного коридора. Подойдя к нужной палате, она остановилась в тревожном ожидании. Первый раз за долгие годы ощутила тянущую боль в плече, ледяные струйки предательски побежали вдоль позвоночника. Ей было страшно. Дверь распахнулась, выпустив в коридор дежурную сестру. Элла напряжённо кивнула ей и торопливо шагнула в палату, плотно прикрыв за собой двери.

– Здравствуй, Кормчий! Последние дни я чувствовала твои колебания – какой выбрать путь, какой тропой идти по безбрежному лугу. – Она говорила уверенно и спокойно, без менторской нотки. – Сегодня я ненадолго, и не отниму у тебя много сил... Раньше ты был творцом – снимал фильмы, писал сценарии и не гнушался политики. Ты прав: можно, предчувствуя события, предвидеть ход истории, узреть след маховика, перемалывающего привычное, но извлекать при этом личную выгоду нельзя. Этот дар запрещено использовать для материального обогащения. Азартные игры – казино, бега, биржевые манипуляции активами и энер-

гией, да, да, деньги – тоже энергия, недопустимы. Мир Realpolitik – циничен, но заботлив к избранным, он жесток, но бесконечно внимателен к сильным. Ты сильный. Ты нужен людям. Ты необходим Вселенной и... мне! – взволнованно вскрикнула она. – Ради крохи этого дара – иди нужной тропой и вернись к нам!

Она осеклась и долго молчала, собираясь с силами, губы её дрожали. Склонившись над пациентом, шёпотом она поделилась с ним сокровенным.

– Я влила в тебя достаточно знаний о новом мире, в который ты можешь вытащить себя сам. Приложи усилия. Старайся. У меня скромная роль: я – проводник... направляющий божественный замысел. Тебе пора вернуться в земной мир. – Прикоснувшись к его стопам, она уверенно произнесла. – Мне разрешили тебя заземлить.

– Дух земли! Я приветствую тебя! Благодарю и прошу отразиться свету от земли, соединиться с силой неба и впустить это тело в мир изобилия наилучшим для него способом.

Встряхнув кисти рук, сильными скользящими движениями она промассировала большие пальцы его стоп. Дрожь пробежала по одеревеневшему телу пациента. Челюсть отвисла, обнажив кончик языка.

– Целую тебя, мой хороший! Возвращайся!

Выскочив из палаты, Элла устремилась вон из казённого помещения.

– Успела!

Плотно сжатый кулак расслабился, выронив влажную от слёз салфетку, сосредоточенность улетучилась. Щемящее ощущение безысходности таяло. Глоток свежего воздуха взбодрил угасающие силы.

Мглистое небо тяжёлыми каплями оплакивало прошедший ливень. Элла бодро обегала лужи, которые, ворчливо чавкая, корчили недовольные гримасы, когда чей-то башмак тревожил их покой. Преодолев ступени главного входа, она растворилась во мраке бледно-розовых больничных переходов и, запыхавшись, добежала до нужной палаты. В коридоре вспыхнул свет люминесцентных ламп. Новый день, полный надежд и разочарований, заглянул в корпуса клиники.

– Я рядом! – радостно и даже игриво произнесла Элла, входя в палату. – Кормчий, ты молодец! Не свернул на тропу в мир Горний и вернулся с холмистых лугов. – Глубоко вздохнув, она благодарно посмотрела вверх. – Много незавершённого осталось. Ты самостоятельно дышишь, но иногда проваливаешься в зыбкий мир теней, который на полпути к стране безбрежных лугов... Ты уже много ближе к нам... ко мне. Сегодня расскажу тебе что-то важное. Слушай, не перебивай... хотя я буду рада, если ты подашь знак. Тема: «Почему страдает наше физическое тело?»

Восемь шагов вдоль кровати до окна, разворот и опять восемь шагов до противоположной стены. Плавный разворот. Она неспешно «выгуливала» мысли, которые хотела, непременно сегодня, донести до него.

– На стресс у организма есть реакция и действие, – уверенно начала она. – Если действие не выполнено, то есть вы не убежали и не ударили в ответ, а только замерли, проглотив обиду, значит внутренний потенциал утрачен и телу не нужно столько сил. Оно начинает слабеть и чахнуть, появляются болезни, это знак, чтобы энергия тратилась в ином направлении... – Её голос звучал весомо, наполняя тяжёлый воздух комнаты тонким ароматом надежды. – Если соперник сильнее и вы не убежали, хотя очень испугались, то начинаются проблемы с опорно-двигательной системой, вспомни порванное сухожилие своего правого колена. В ответ на хамство или агрессию вы могли ударить, но не совершили это действие. Сначала у вас спазмируются челюсти, затем напряжение переходит на всё тело. Замереть – ещё одна реакция на стресс. Она ведёт к истощению надпочечников. После эмоционального потрясения тело должно расслабиться, раздышаться.

Стоя у окна, Элла прислушалась к тишине: стихли литавры завершившихся в стране президентских выборов. Народ определился с колеей на ближайшие годы. Прикрыв глаза, она расслабила руки и, встряхнув плечами, трижды глубоко вздохнула. Элла ясно видела Кормчего у входной двери в этот мир – он вот-вот приоткроет её.

– У тех, кто замирает в ответ на неожиданное испытание, копится хроническая усталость, нет сил даже на обыденные действия. Каждый видит и выбирает то, что хочет. Один и тот же вид стресса мы воспринимаем по-разному и принимаем разные решения: пугаться, страдать, радоваться или наслаждаться. Да, да! Стрессом можно и наслаждаться! Это особое искусство скольжения на грани, поэтому многих влекут труднодоступные горы или безумные скорости. Люди подсаживаются на адреналиновый допинг. Выбор за нами. Это и есть наш путь. Болезнь – входной билет на встречу с собой. Запомни. А теперь отдыхай! Через несколько дней мы опять встретимся.

Она долго любовалась ярким весенним солнцем, вновь пробуждающейся жизнью, бодрым щебетанием воробьёв, пока в палату не вошёл лечащий врач со свитой.

Пробуждение

Элла стояла в нерешительности, опершись на край подоконника, яркие звёзды бесцеремонно заглядывали в окно палаты, разгоняя мрак по углам. Чуть слышное дыхание больного изредка прерывалось слабыми стонами. Она знала, что наступил тот самый день, когда необходимо сказать главное.

– Сегодня, мой милый, я пришла не обучать тебя самоисцелению, а с другой миссией... – Она опустила на колени у самой кровати и прижалась лбом к его ладони. – Господи, ка-ко-е счастье! Рядом с тобой я открываю себя новую, ту, которая самая светлая! Я просто хочу жить и быть твоей! Всегда я была удобной, послушной и старалась, да, именно старалась, сделать близких счастливыми. Но нельзя всех вооружить щитом от невзгод, дать людям то, чего у них нет и быть не может. Я про внутренний стержень. – Она замолчала, веки пациента судорожно подрагивали. – Понимаешь, у меня он был всегда, и из него, как из стволовой клетки, можно вырастить любую защиту.

Присев рядом, она поправила сбившееся на кровати одеяло. Кормчий тихо всхлипывал, бессвязно бормоча во сне. Глядя сквозь окно на мигающие звёзды, она выплеснула накопившуюся боль.

– Долгие годы свои истинные желания я отодвигала на второй план и даже разучилась желать. Представляешь, – смеясь сквозь слёзы и хлюпая носом произнесла Элла, – я жила установками делать счастливыми других – мужа, детей, родственников и ков... – Прикрыв глаза, она коснулась кровати и улыбнулась, вспомнив былую жизнь. – В детстве родители не наказывали меня и не указывали дозволенные границы, я всегда знала, КАК ЛУЧШЕ. В юности я была худенькой с торчащими мослами и очень упрямой, как ослик, и все нежно называли меня Мосликом. Даже отпетые бандюганы и солидные бизнесмены прислушивались к моему мнению. С тобой же – счастлива я сама. Мне повезло, мы встретились, теперь я знаю, что ты есть.

Пациент пошевелился, голова его качнулась, веки открылись. Васильковая бездна увлекла её. Она не сдержалась и поцеловала заросшую щетиной впалую щёку. Он пошевелил потрескавшимися губами, судорожно сглатывая воздух.

– Мням-ням, – прошепелявил пациент скрипучим голосом старца.

– Чудесно! – возликовала Элла. – Ты есть хочешь? Зову сестру. Позже поговорим о чуде.

Радость взвинтила ей пульс, она стремительно бежала по больничному коридору к дежурной сестре.

Через три дня Элла вошла в палату в элегантном брючном костюме без обязательного медицинского халата, который, как отбеленная шкура поверженного питона, свисал у неё с руки. Пациент лежал на больничной койке, пускал слюни и гримасничал, будто сгонял с лица назойливую муху.

– Здравствуй, мой мальчик! – улыбнулась Элла. – Как тебя зовут?

– Кирюша, – прошепелявил он.

– А сколько тебе лет?

– Пять, – страдальчески скривив лицо, захныкал он.

– Почему ты плачешь?

– Ручке больно и... Гагарина жалко. У него красивые медальки... Их тоже закопают?

– Ты в садик ходишь?

– Да, там цыплята и кролики.

– А что ты любишь больше всего?

– Гонки в песочнице во дворе.

– Тебе принести машинку?

– У меня чешется... голова.

– Потерпи, сейчас всё пройдёт.

Она обошла кровать и, не касаясь забинтованной головы, обхватила её ладонями, примяв подушку. Сосредоточившись на своих ощущениях, она ждала ответной реакции. Через пару минут его тело откликнулось: тепло волнами колыхалось в её ладонях, отёкшие веки пациента сомкнулись. Он равномерно сопел, провалившись в сон.

– Благодарю, – шепнула Элла в сумеречный угол комнаты.

Слёзы катились по её щекам, на губах затеплилась улыбка.

Строгий деловой костюм, аккуратные очки в тонкой оправе и серебряный кулон в форме дубового листа преобразили её. Она светилась радостью. Убаюкав пациента, Элла вспомнила о своём обещании.

– Мы собирались поговорить с тобой о чуде... Ты и есть это чудо! С набором таких травм, как у тебя, отсюда не возвращаются.

Она осторожно убрала руки от головы пациента, резко встряхнула кистями, интенсивно потерев ладони, и положила правую ладонь на загипсованную руку. Вскоре его рука откликнулась волнами тепла, которые Элла ощущала сквозь корку затвердевшего гипса.

– Помни, чудо независимо, но почему-то многие считают, что оно должно быть ручным и служить именно их интересам. Можно ли приручить его? Хороший вопрос! На него пытались ответить многие просветлённые умы. Но как принудить чудо служить кому-то, если это один из диалектов Вселенной?

Прикрыв глаза, Элла сосредоточилась, обхватив ладонями загипсованную руку Кормчего.

– Твои косточки срастаются, разорванные нервные окончания прокладывают новые пути. Мозг вновь проходит этапы эволюции и взросления... Благодарю...

Молитвенно вскинув голову и плотно сжав свои ладони, она продолжила диалог с молчаливым собеседником.

– Пока ты ещё ребёнок, но быстро учишься, идя по проторенной тропе. Скоро мы сможем полноценно общаться. Отдыхай, мой хороший, ближайшие дни увидимся снова.

Гулкое эхо её удаляющихся шагов медленно таяло в плотном воздухе палаты триста пять.

Она появилась под вечер, вынырнув из тёмного коридора. В другом его конце по кафельному полу звонко цокали каблучки дежурной сестры. Незаметно прошмыгнув в палату и любуясь знакомым профилем, она едва не захлебнулась волной радостных чувств. Пациент спал, изредка тревожно постанывая.

– Кормчий, привет, – игриво обратилась к нему Элла. – Ты готов к обсуждению серьёзных тем? Тогда приступим...

Мягкая улыбка и блеск её влажных глаз, отразившись в оконном стекле, наполнили комнату спокойствием. Через приоткрытое на миг окно в больничные покои бесцеремонно ворвались запахи весны. Элла присела на край кровати и, сосредоточившись, прикрыла глаза.

– Кто ты сейчас: Номо Creatus¹, ребёнок, безвольная амёба или овощ? Что важно именно для тебя? Что ты можешь дать миру? – дрожащим голосом вопрошала она. – У каждого внутри космос. Начни слушать свой. Никто и никогда не сможет сделать для тебя то, что можешь ты сам для себя. В пограничном мире, в который ты иногда погружаешься, ты должен встретиться с собой.

Она профессионально замерила ему пульс, поглядывая на бегущую стрелку своих часов. Мимика его лица изменилась, голова задёргалась, пульс участился.

– Я умею вдохновлять, но не давать советы. Помни – жизнь прекрасна, когда мы сами принимаем решения, а не живём по сценарию! Не живи по шаблону врачей, походя списавших тебя в растительное царство. Дерзай! И тогда вырастают крылья!

¹ В переводе с латыни «Человек созданный», главный герой одноимённого романа В. Денисевича «Номо Creatus».

Он открыл глаза. Зрачки расширились, удивление проскользнуло в них. Элла улыбнулась.

– Здравствуй, дорогой. Как тебя зовут?

– Кирилл.

– А сколько тебе лет?

– Десять, – тихо ответил он.

– Ты ходишь в школу?

– Да.

– А что тебе там нравится?

Кирилл нахмурился, сосредоточенно сжав сухие губы, и... неожиданно озорно улыбнулся.

– Настольный теннис. Люблю играть с девочкой, у неё смешные косички.

– А проказничать и хулиганить любишь?

– Да! – восторженно выдавил пациент хрипящим голосом. – С ребятами курили на стройке. Нас милиционеры пытались поймать. – Он прикрыл глаза, вспоминая события. – Но мы шустрые, убежали, – прошептал Кирилл, вновь проваливаясь в беспокойный сон.

– Отдыхай, мой хороший! А я, пожалуй, прогуляюсь по набережной, загляну в «Чайхану». Надо вспомнить вкус восточных сладостей. Мозгу срочно требуются лакомства и зелёный чай.

Через пару дней звонкие весенние сумерки занырнули в палаты третьего этажа травматологического корпуса, стущая больничный воздух, пропитанный страданиями уходящих и надеждами выздоравливающих. Элла дремала, сидя рядом со спящим пациентом. Нахлынувшие воспоминания отогнали сон. Она осторожно потянулась.

– Вчера я легла спать вместе с рассветом, – радостно сообщила она томным голосом, наслаждаясь лоснящейся в закатных лучах тишиной. – Сегодня я не буду грузить тебя новой информацией, а просто посижу рядом. Я скучаю.

Пациент надрывно дышал, в забытии пробовал перевернуться. Подёргав плечами, он широко открыл глаза.

– Добрый день! С пробуждением! Как же тебя зовут?

– Кирилл.

– Я Элла. Ты что-нибудь помнишь?

Долгое томительное молчание. На лице Кирилла отразилось гигантское напряжение. Рас-
терянность. Уголки губ прогнулись вниз.

– Туман... ничего не помню.

– Сосредоточься. Ну же!

– Большой зал. Полукруглые ряды. Из окон видна. Волга.

– Ты студент?

– Наверное.

– Этого пока достаточно. Что чувствуешь?

– Болит голова и... шея... устала.

– Ну, с этим мы справимся.

Элла обошла кровать со стороны головы пациента и, осторожно примяв подушку, снизу коснулась ладонями фиксирующего шейного воротника.

– Пока я буду колдовать, ты, пожалуйста, вспомни про своих друзей.

– Какая-то муть.

– Не спеши.

– А-а-а! Вспомнил! Недавно с Аркашей играл в карты. Продул в чистую.

– Остался должен?

– Не-е-е, – протяжно выдавил Кирилл. – Расплатился мелочью. Выпотрошил две банки из-под кофе своих сбережений. Был ещё кто-то третий. Нет, не помню.

– Чем любишь заниматься?

– Почему я привязан?

– Ты восстанавливаешься после травмы. Всё идёт хорошо.

– А можно.

– Береги силы. Засыпай.

Поглаживая его руку, она дождалась размеренного сопения и на цыпочках покинула больничные покои. Ей требовалось срочно переговорить с лечащим врачом.

Элла застала его в ординаторской. Чаепитие с медсёстрами было в самом разгаре.

– Добрый вечер! Не желаете ли присоединиться к нам, коллега? – галантно пригласил он Эллу к столу.

– Сегодня спешу. В другой раз.

– Я сам хотел пообщаться с вами.

– Спасибо. Внимательно слушаю.

– Давайте пройдем в мой кабинет.

Плотно прикрыв за собой дверь, заведующий всплеснул руками и бойко затараторил.

– На днях делали Кириллу Львовичу томографию...

– Результаты пока не видела.

– Честно скажу, поражён! Давно не наблюдал подобной динамики восстановления.

– Чудеса случаются.

– Гематома серьёзно уменьшилась. Если я правильно понимаю – произошло всё не без вашего участия.

– Возможно. Я тоже вижу серьёзное улучшение.

– Признаюсь, ещё месяц назад я был пессимистичен относительно его выздоровления. Скажу больше – был уверен, что он останется... прошу прощения, оговорился. Но даже позитивный результат ускоренного выздоровления имеет негативные последствия – я вынужден выписать его до майских праздников. Отделение переполнено.

– Понимаю вас.

– Если позволите, порекомендую лучший в городе реабилитационный центр. Там реально ставят на ноги.

По-хорошему, конечно, ещё пару лет на восстановление потребуется.

– Посмотрим.

– У вас есть такой запас сил?

– Если возможно, то пусть его до выписки невропатолог и окулист посмотрят. Появились признаки повышенной тревожности, и, по-моему, у него взгляд не фокусируется.

– Хорошо, назначу консультации.

– Благодарю вас. До свидания.

Дни миновали в томительном ожидании встречи. В конце недели Элла вернулась. Непридуманно войдя в палату, она замерла, пристально наблюдая за пациентом. Навалилось желание поскорее освободить его от сковывающих пут, обнять и больше уже никуда не отпускать. Она была уверена, что именно сегодня её поцелуй имеет особую целительную силу. «Что важнее, – размышляла она, – придать дополнительный импульс его выздоровлению бурным проявлением моих чувств или соблюдать жёсткие больничные правила? Увидят – за самостоятельность, граничащую с безрассудством, лишат круглосуточного доступа и заберут пропуск».

Принять решение она не успела. В палату заглянула медсестра.

– Вы, пожалуйста, недолго. К нему сейчас невропатолог придёт.

Элла кивнула. Дверь закрылась.

– Я держу книгу, написанную тобой в юности, неосознанно. Есть вещи, которые появляются только через проводников. Их выбирают и им диктуют – кому-то музыку, кому-то стихи, а избранным надиктовывают ответы на самые простые, но важные вопросы. Они даже не осознают свою ценность. Передо мной – скрижаль современной жизни, записанная твоей рукой. – Она положила на прикроватную тумбочку миниатюрную книжицу размером с ладонь. – Автора книги тянет парить, но у него внутри комок... комок проблем и огромный якорь обид. Именно они, обидчики, – лучшие учителя. Помни это! Розовые очки снимать нелегко, проще закрыться от Вселенной и жить в спасительном бункере или в своей коробочке, ведь так безопаснее. – Она осторожно коснулась ладонью его головы. – Гони прочь демагогию и выходи на простор из футляра навязанных условностей. Я уже вышла. Мне интересно говорить со Вселенной, я задаю ей вопрос: ЧТО, МОЯ ДОРОГАЯ, ТЫ ХОЧЕШЬ СКАЗАТЬ МНЕ СЕГОДНЯ? И она демонстрирует свою щедрость! Всё очень просто, мой скромный писатель, я беру ТВОЮ книгу «Афоризмы и лаконизмы», открываю наугад пятую страницу, раздел «Мысль и искусство» и читаю пятый афоризм – и у меня есть пожелание на текущий день.

«Факты, нанизанные на клинок мысли, есть оружие познания»

«Рифма облегчает разбег мысли, истина – её полёт»

«Мысль, зачатая от духа рабства, подобна мулу – вынослива, но не даёт потомство»

«Убеждение – неизлечимая болезнь единственной мысли»

«Лучшая одежда мысли – нагота»

«Чужая голова – удобный тайник для собственных потаённых желаний»

– Благодарю тебя! Не буду сегодня свои мысли украшать рюшами. Лучшая одежда – нагота! Просто и лаконично.

Застонав, пациент приоткрыл глаза.

– Здравствуй, Кирилл.

– Привет.

– Помнишь меня?

– Ты Элла.

– Превосходно! Что можешь ещё вспомнить?

– У меня нос чешется. Освободи руку.

– Я его почешу, вспомни что-нибудь. Договорились? Например, чем любишь заниматься?

– Наверное, я художник.

– Почему ты так решил?

– Люблю граффити.

– Поясни.

– Вижу, как по шершавой зелёной стене я пишу чёрной икрой: «Жизнь удалась».

– Что-то ещё?

– Картины на стенах... Много их.

– Ты молодец!

– Пить хочется.

– Сейчас, мой хороший. Мне пора уходить. Сегодня у тебя будет врач, позже придёт сестра с друзьями. Скоро домой. Выздоровливай.

Срочная поездка в столицу скомкала текущие планы Эллы. В больнице она появилась через неделю. С закрытыми глазами он лежал на кровати, кряхтел и изредка постанывал. Впервые за долгие месяцы она видела его без фиксирующих ремней.

– Здравствуй, Кирилл, – тихо обратилась она. – Поговори со мной. – Протяжный стон со всхлипываниями раздался в ответ. Примирительно покачав головой, она улыбнулась. – Я чувствую, ты скоро вернёшься!

Облизав губы, пациент приоткрыл глаза.

– Пить. Где я? Что со мной?

– Ты в больнице. Идешь на поправку.

– Сейчас лето... или осень?

– Это ты мне скажи.

– Может весна?

– Что помнишь?

– Я взбираюсь на кратер вулкана.

– Потухший вулкан?

– Он дымит. В расщелине, где жар, мы запекаем ломти хлеба.

– Что ещё помнишь?

– Вокруг – выжженная земля. Вдали мерцает море. Небо тяжёлое.

– Вас на вершине много?

– Не знаю. Мы идём вокруг гигантского кратера.

– А зовут тебя... вас как?

– Кирилл Львович.

– Замечательно! Элла Олеговна, будем знакомы.

– О'кей.

– Вспомни.

– А вас я где-то видел. – он сомкнул потяжелевшие веки. – Вы были в белой шубке и с болтливой подругой.

– Верно, мы уже встречались. А где это было?

– Я устал.

– Поспи. Конечно же, ты знаешь, – исповедально заговорила она через несколько минут, когда он уснул, – что человек не проживает жизнь, к которой готовился. Человек не проживает жизнь, о которой мечтал. Человек не проживает жизнь, которой достоин. Человек проживает жизнь, на которую решился! Будь смел в своих желаниях и ежедневно иди к ним! – Помедлив, она уверенно произнесла: – Завтра прилетает Йон. Тот самый доктор, из Института медико-психологических проблем, который три года тому назад, в лютую стужу, вытащил тебя из детской песочницы и фактически спас. Мы болтали по телефону на отвлечённые темы, но он чем-то сильно обеспокоен. Обещал рассказать при встрече. Завтра едем с ним на остров и, если я правильно уловила, то ещё раз осмотрим место аварии. Для него это важно... Через день мы начнём с тобой учиться ходить! Надеюсь, навыки быстро вернуться. Ходунки уже приготовили. До скорой встречи!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.